

Город как пространство: к эволюции социологических подходов

Федор Поляков

Аспирант, кафедра социологии факультета гуманитарных и социальных наук,
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Адрес: ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Российская Федерация
E-mail: dieuxph@mail.ru

В статье представлен вариант реконструкции эволюции теоретических подходов к городу как пространству социальных взаимодействий и повседневных практик. По результатам анализа релевантных отечественных и зарубежных работ показано последовательное смещение исследовательской «оптики» сначала в общем направлении «пространственного поворота», далее к аналитическому фокусу на местах и повседневности и, наконец, к многомерному «прочтению» городского пространства в контексте «возвращения материального» в пространственные теории. Выделенные автором условные этапы смены доминирующих концептуализаций городского пространства отражены в структуре статьи: от предпосылок исследования города как пространства взаимодействий — к трактовке города как динамического пространства, затем как совокупности мест повседневных практик или многомерного пространства и, наконец, как пространственной сети. Ключевыми концептуальными трудностями социологического анализа города как пространства остаются: множественность «статусов» пространства (как контекста, продукта и условия взаимодействия), сложность согласования микро- и макроуровней анализа и подвижная граница между понятиями «пространства» и «места». Соответственно, именно выбор исследовательской «оптики» задает круг допустимых вопросов, специфику категориального аппарата и тип выводов: акцент на социальной организации города увеличивает риск пространственного детерминизма, фокус на повседневных практиках — риск редукции пространства до субъективных смыслов действующих в нем акторов. Автор делает вывод о целесообразности социологической трактовки города как многомерной, исторически и ситуативно пересобираемой конфигурации мест и связей, в которой социальные отношения одновременно материализуются и трансформируются. Такая трактовка уточняет теоретико-методологические рамки анализа и направления дальнейших исследований: соотношение «статусов» «пространства» и «места», согласование уровней анализа и обоснованное включение материального в социологическое описание города.

Ключевые слова: пространство, город, аналитическая «оптика», городское пространство, социальные взаимодействия, конфигурация мест, повседневные практики, социальные отношения и связи, пространственный поворот, материальный поворот

Из чего состоят города? Безусловно, город немислим без зданий, улиц, площадей, парков и других составляющих его построек. Город невозможно представить без жителей, которые наполняют его инфраструктуру жизнью, смыслом, эмоциями, — без них город оставался бы пустым и статичным. Все это, казалось бы, очевидные характеристики города, но их сложно счесть исчерпывающими: продолжая рассуждать о том, из чего состоит город, к приведенным описаниям всегда можно будет добавить что-то еще. Подтверждение тому — Введение к книге

К. Стил «Голодный город», где читателю предлагается закрыть глаза и представить себе город: «Что вам видится? Уходящие к горизонту ряды крыш? Сутолока на Пикадилли? Манхэттенские небоскребы? Улица, на которой вы живете? Так или иначе, на этой воображаемой картине будут здания. В конце концов именно из них состоят города — а еще из улиц и площадей, соединяющих здания между собой... Но город — это не только кирпич и бетон: он населен живыми людьми, и потому зависит от природы, которая дает им пищу. Города, как и люди, — это то, что они едят» (Стил, 2014: 12).

Каждый раз, возвращаясь к описанию воображаемого города, можно вспоминать или обращать внимание на что-то еще, что дополнит представляемый образ. И это дополнение в силу своей конкретности будет существовать параллельно другим описаниям, открывая возможности для новых мысленных «измерений» города. В свою очередь, результаты исследовательского поиска ответа на вопрос «из чего состоят города» зависят от выбора теоретической «оптики» — того концептуального подхода, который определит наш ответ.

Принципиально важный момент такого поиска — субъект познания по отношению к городскому пространству: является ли им общество в целом — тогда город предстает как часть более широких социальных процессов, или же это горожане, чья повседневная жизнь и взаимодействия внутри города наполняют его конкретным содержанием, а может быть, конкретные жители как носители представлений и смыслов о городской жизни. Постановка подобных исследовательских вопросов сама по себе задает определенную «оптику», концептуальные основания для интерпретации городского пространства. В частности, эти вопросы рассматривались в западной традиции триадических моделей пространства (Лефевр, 2015; Soja, 1996), и это лишь одна из множества возможных «оптик». Можно воспользоваться социально-пространственной перспективой и сосредоточиться на политических, экономических, культурных и социальных институтах, которые формируют облик города (Gottdiener, Budd, 2005). Можно посмотреть на город как на сеть, состоящую из людей и материальных объектов (Латур, 2014). А можно обратиться к интерпретации пространства города его жителями через реляционные модели (Löw, 2008).

При всем многообразии пространственных теорий выбор исследовательской «оптики» неизбежно связан с более общей проблемой категоризации пространства (и не только городского). Интерес к пространству в социологии города развивался волнообразно: в отечественной (Трубина, 2011; Вершинина, 2019) и западной (Conte, 2017; Gottdiener, Budd, 2015; Wu, 2016) традициях представлены работы, прослеживающие эволюцию исследовательских подходов от первых попыток социологического осмысления города до систематических урбанистических реконструкций, но, как правило, подобные обзоры фокусируются на общих траекториях развития городской социологии, а не на пространственных концепциях — их историческом становлении и аналитических принципах. Значительно больший вклад в этом смысле внесли фундаментальные исследования пространства как

такового — его общая социологическая концептуализация (Филиппов, 2008), осмысление его современных трансформаций (Замятин, 2018, 2020, 2025) и систематизация ключевых теоретических подходов к изучению пространства в социальных дисциплинах (Лоу, 2025).

В области социологической концептуализации пространства накоплен значительный массив работ, уточняющих «статус» пространства в социологии. Как правило, такие исследования сосредоточены на философских основаниях и категориальных реконструкциях (Кирсанова, 2024; Рыбалка, 2009; Чернявская, 2008), а также на методологических дискуссиях о множественности значений и границах понятия «пространство» (Барковская, 2013; Беляева, 2012; Бузин, 2010; Иванов, 2013). Значительно реже встречаются работы, посвященные именно городскому пространству (Акалелова, 2014; Заборова, 2006; Карчагин, 2021; Костко, 2021; Прокофьева, 2017), но они обычно ориентированы на построение неких концептуальных «рамочек» для анализа города в целом, тогда как реконструкция отдельных аспектов и направлений более детального «взгляда» на пространство городской жизни носит обычно фрагментарный и контекстуальный характер, что особенно заметно в случае рассмотрения города как пространства социальных взаимодействий и повседневных практик. Лишь отдельные работы обращаются к этой проблематике в контексте городского пространства напрямую (Лысенко, 2011; Звоновский 2009; Стрельникова 2012), но и в них история развития концептуальных моделей городского пространства не получает систематического обозрения.

В то же время значительное число исследований посвящено анализу городского пространства в динамике его исторических трансформаций. Речь может идти как о современных формах городской пространственности (Вершинина, 2024; Demuynck et al., 2025; Fox, Goodfellow, 2022), так и о социологической концептуализации их характерных черт (Заборова, 2022; Замятин 2018, 2020, 2025; Лапина-Кратасюк, 2013; Лев, 2019); как о целых исторических периодах в истории концептуализации пространства, так и об отдельных теориях, которые в эти периоды оформлялись (Бляхер, 2022; Качанов, Шматко, 2024; Кирсанова, 2024; Макогон, 2021). Аналитический фокус пространственных исследований оказывается направлен на отдельные исторические этапы, теории или проблемы, что затрудняет понимание преемственности разных концептуальных подходов и логики последовательной смены аналитической «оптики».

Таким образом, несмотря на активную разработку различных уровней и направлений анализа городского пространства — от его современных форм и характерных черт до исторических периодов концептуализации и общих теоретических оснований городских исследований, — логика формирования оснований анализа городского пространства обычно остается вне исследовательского фокуса. Цель статьи — попытаться реконструировать эту логику на примере одной исследовательской «оптики», в рамках которой город выступает как пространство социальных взаимодействий и повседневных практик.

Предпосылки исследования города как пространства взаимодействий: символический интеракционизм и социальная феноменология

Согласно А. Ф. Филиппову (2008), современный интерес к пространственной проблематике в социологии связан прежде всего с социально-феноменологическим и символически-интеракционистским подходами, определившими исходный поворот от понимания города как фиксированной формы социальной организации к его трактовке как динамического поля социальных взаимодействий. Если в рамках классической социологии конца XIX — начала XX века (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис) город, как правило, рассматривался через экономические и социальные процессы, возникшие в ходе индустриализации, то пространство города чаще всего оставалось аналитически вторичным (Филиппов, 2008). Одним из первых, кто начал его проблематизацию, был Г. Зиммель, для которого пространство города выступало формой объективирования социальных взаимодействий, без которой невозможно наблюдать их смысл (Зиммель, 2015: 228). Данная проблематизация получила дальнейшее развитие в работах Чикагской школы социологии (Р. Парк, Э. Берджесс), в которых город рассматривался как локализованная сцена для социальных взаимодействий, которые можно наблюдать через территориальное распределение и перемещение тел в пространстве. Вместе с тем Чикагская школа, оставаясь важным эмпирическим этапом развития пространственных исследований, не устраняла разрыв между физическим местоположением и «смысловой надстройкой» социальных взаимодействий (Филиппов, 2008: 21–23). Именно это ограничение находилось в центре внимания социальной феноменологии (Шютц, 2003; Бергер, Лукман, 1995; Мерло-Понти, 1999) и символического интеракционизма (Мид, 2009; Блумер, 2017; Гофман, 2000), которые сосредоточили анализ на том, как пространство города переживается и воспроизводится в непосредственных действиях и взаимодействиях людей. Такой сдвиг аналитической «оптики» заключался в переходе от рассмотрения пространства как внешнего фона социальных процессов к его пониманию как измерения, формирующегося в самих практиках взаимодействия. В свою очередь, это позволило по-новому поставить вопрос о соотношении социального и пространственного, а также заложило основания для последующих пространственных теорий.

«Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою собственную природу или, проще говоря, что человек создает самого себя» (Бергер, Лукман, 1995: 83). В отличие от животных, чья жизнь жестко обусловлена инстинктами и средой обитания, человек не так сильно привязан к конкретным условиям окружающего мира. Человеческая природа — социокультурная переменная (Кассирер, 1998), которая довольно пластична по отношению к внешней среде, потому, например, одни общества могут строить города и поселения, а другие вести кочевой образ жизни (Scott, 2017). Основное внимание социологи должны уделять тому, как именно мы конструируем собственную природу, — «интенциональность» человеческого сознания придает смысл окружа-

ющему миру. «Смотрю ли я на панораму Нью-Йорка, или ощущаю внутреннюю тревогу, процессы, происходящие в сознании, интенциональны в обоих случаях» (Бергер, Лукман, 1995: 39–40). Именно в интенциональности сознания раскрывается связь между материальным миром и его субъективным восприятием.

Если окружающая реальность существует независимо от этого восприятия, то общие представления о ней, возникающие в ходе общения и взаимодействия, становятся основой социального порядка. Яркие примеры, раскрывающие идею интенциональности сознания, можно найти в «зонах исполнения», описанных И. Гофманом (2000: 142). Пусть основным интерес для него представляет не социальный порядок, а порядок взаимодействия, но и он четко вписан в конкретные пространственно-временные «координаты». Иными словами, восприятие направлено на ситуацию взаимодействия и ограничивается определенным контекстом (чувством места), у которого есть пространственно-временное «измерение».

Хотя вопрос взаимосвязанности времени и пространства непосредственно не рассматривается Гофманом, он играет ключевую роль в развитии пространственных теорий, что основоположник феноменологической социологии Шютц иллюстрирует «на примере этапов, проходя которые спутник, находящийся лицом-к-лицу со мной, становится простым современником. Вот мы еще стоим лицом-к-лицу, прощаясь, пожимая руки; теперь расходимся. Вот он опять обращается ко мне; я снова могу видеть, как он машет мне рукой; а сейчас он исчез за углом. Нельзя сказать, в какой именно момент завершилась ситуация лицом-к-лицу и мой партнер стал просто современником, о котором я имею некоторые знания (возможно, он добрался домой), но которого я не переживаю непосредственно» (Шютц, 2003: 133). Взаимодействие «лицом-к-лицу» определяется общим временем и пространством, в котором проживается, но если оно выходит за рамки физической досягаемости, то для социальных отношений пространство и время обретают новые свойства: в примере Шютца после взаимодействия «спутник» никуда не пропадает и не исчезает, а становится «современником», который переходит в «современный» (одновременный) нашему переживанию мир, находящийся за пределами непосредственного восприятия, т.е. взаимодействию придается временная характеристика, потому что только через пространство определить его уже невозможно.

Таким образом, проблема пространства и времени взаимодействия актуализирует вопрос выбора концептуальной «оптики» для описания общественного устройства, которую, в свою очередь, можно использовать и для анализа городского пространства. Либо мы остаемся в рамках теоретического подхода, который учитывает пространство и придает ему важное значение, даже если взаимодействие «ушло» за пределы досягаемости, т.е. изучаем именно пространство; либо акцентируем внимание на времени — когда люди взаимодействуют опосредованно, не видя друг друга и не находясь в пределах досягаемости, т.е. приоритетом становится не пространство, а время взаимодействия. Социологическая мысль 1960–1970-х годов (представленная, например, идеями М. Фуко, А. Лефевра, Д. Харви) сделала выбор в пользу пространства как основы социального устройства.

Однако в период «пространственного поворота» постепенно формируется другая исследовательская проблема — неустойчивость «статуса» пространства: оно мыслится и как контекст, и как продукт, и как условие взаимодействия. В отечественной традиции эта проблема решается разведением уровней анализа пространства и признанием неизбежности методологического плюрализма, например, «различаются три аспекта: пространство взаимодействия, порядок статусных позиций и место расположения тел» (Чернявская, 2008: 330); а также через разведение философских оснований для его описания (Прокофьева, 2017): в виде субстанциональных концепций пространства, трактующих его как объективную и относительно автономную среду, «контейнер» для отношений (что на уровне социологического анализа проявляется, в частности, в подходе Чикагской школы у Р. Парка и Э. Берджесса), реляционных концепций пространства, рассматривающих пространство как результат и форму социальных отношений и практик (например, в работах А. Лефевра и П. Бурдьё), и эпистемологических концепций, акцентирующих внимание на процессах упорядочивания пространства и формах его представления (например, через порядок взаимодействий у И. Гофмана или пространственные режимы власти и знания М. Фуко). В результате исследователи фиксируют принципиальную полисемию категории «пространство», которая выступает «скорее дискуссионным концептом, нежели аналитически обоснованным понятием» (Барковская, 2013: 50), что требует отказа от поисков его некоего «истинного» статуса и выбора той трактовки пространства, что наиболее релевантна задачам исследования (в соответствии с позицией социальной феноменологии — выбрать необходимую систему координат («*shames of reference*») и определить ее границы, задав определенные рамки референции (Шютц, 2003: 101–103)).

«Пространственный поворот»: город как динамическое пространство

Возникший интерес к пространству в социальной феноменологии и символическом интеракционизме открыл для городской социологии новые исследовательские перспективы и позволил сосредоточиться на тех вопросах, что оставались на периферии внимания в период классической социологии конца XIX — начала XX века (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис), а также в рамках ранних исследований города, представленных Чикагской школой социологии (Р. Парк, Э. Берджесс): каким образом социальные отношения обретают материальную форму; как повседневные взаимодействия придают смысл физическому пространству; как поведение людей, с одной стороны, определяется пространственным контекстом, а с другой стороны, преобразует окружающее пространство, меняя не только его смыслы, но и форму.

Продолжением такой проблематизации выступает период «пространственного поворота» в социальных науках, который часто связывают с идеями Фуко (Бляхер, 2022; Кирсанова, 2024; Макогон, 2021). В 1967 году он сделал доклад «Дру-

гие пространства» на конференции по изучению архитектуры, в котором наметил новую отправную точку для изучения пространства: «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX век, как известно, была история: темы развития и остановки, темы кризиса и цикла... Сегодняшнюю же эпоху можно скорее назвать эпохой пространства» (Фуко, 2006: 191). Фуко делает акцент не столько на наполнении пространства, сколько на взаимосвязи пространства и времени, которые влияют на это наполнение, и вводит понятие «гетеротопия» через метафору с зеркалом (Там же: 196). Гетеротопия — отражение с поверхности зеркала: оно существует объективно в качестве предмета, но отражает то, чего в реальности нет, т.е. гетеротопия — «место» сопоставления сразу нескольких пространственно-временных контекстов (примеры — больницы и тюрьмы, ярмарки и рынки, музеи и др.).

Текст доклада Фуко опубликовал спустя почти двадцать лет после конференции, однако свои основные идеи о пространстве — гораздо раньше. Гетерогенность пространства была подробно рассмотрена в работе «Надзирать и наказывать» (Фуко, 1999), где Фуко также предложил концепцию дисциплинарного пространства, в котором социальное устройство подчинено определенному режиму власти и контроля. Временной контекст пространства был рассмотрен в «Археологии знания» через понятия эпистемы и дискурса: эпистема задает исторически обусловленные рамки понимания и осмысления пространства, характерные для определенной эпохи, тогда как дискурс представляет собой ограниченный набор высказываний, внутри которого становятся возможными конкретные формы описания, интерпретации и символического представления пространства в рамках той или иной предметной области (Фуко, 2004). Иными словами, для Фуко пространство — не только физическая, но и символическая категория, подверженная воздействию власти и потому связанная с главным его теоретическим конструктом «власть–знание». Соответственно, город в работах Фуко часто предстает местом, характеристики которого детерминированы властью и дискурсом, а как таковым социальным отношениям уделяется гораздо меньше внимания.

Такой подход критиковал А. Лефевр: «Знание — это пространство, в котором субъект может занять позицию и говорить об объектах, с которыми он имеет дело в своем дискурсе», — спокойно заявляет М. Фуко в «Археологии знания», не задаваясь вопросом, о каком пространстве он говорит и каким образом перескакивает от теоретического (эпистемологического) к практическому, от ментального к социальному, от пространства философов к пространству, где люди имеют дело с вещами» (Лефевр, 2015: 19). Лефевр предлагает отказаться от радикального противопоставления ментального, социального и физического аспектов пространства, уделяя им равное внимание, особенно речь идет о городском пространстве, поскольку город воплощает в себе социальные и производственные отношения, например, организация и разделение труда или устройство семьи, соответствующие определенной исторической эпохе и меняющиеся с течением времени (Лефевр, 2015: 85). Эти отношения не существуют изолированно, а влияют друг на друга, потому их локализация в пространстве зависит от трех аспектов: «репрезентации

пространства» (архитектура, городская планировка), «пространства репрезентации» (восприятие и символика) и «пространственные практики» (фактическое использование пространства) (Там же: 51–52). Такая трактовка пространства позволила перейти от абстрактного описания власти в пространстве (Фуко) к описанию динамического производства пространства через властные отношения и повседневную жизнь: именно практики отвечают за производство и воспроизводство пространства, а также за то, кем это пространство будет присвоено (будет ли оно использоваться так, как было задумано властью). Для Лefевра горожане — не пассивные воспроизводители практик, но активные участники присвоения пространства, тем самым декларирующие свое «право на город» (Lefebvre, 1996).

Идею присвоения пространства и его физической, ментальной и социальной обусловленности развивал и П. Бурдьё, определяющий городское пространство как проекцию социальных отношений на некоторую физическую территорию (Бурдьё, 2007: 53–54), т.е. это конструкция, в которой отражены социальные отношения и представления о них. Отражение социальной структуры в пространстве можно увидеть не только в классовых отличиях, но и в разных полях взаимодействий, которые соответствуют разным видам капитала (социальному, экономическому, культурному), поэтому поля могут неравномерно распределяться в пространстве. Однако главное — что между ними постоянно происходит борьба за присвоение пространства и его овеществление с помощью символов. Присвоенное пространство «есть одно из мест, где власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие» (Бурдьё, 2007: 52). Присвоенное пространство формирует соответствующие полю практики взаимодействия и представления об их «уместности» (то, что Гофман называет «*sense of one's place*»), т.е. сообщает людям об их месте в социальной структуре. Однако не все пространства города присвоены — в ходе символической борьбы они могут быть «отобраны» и преобразованы под влиянием практик и представлений о них.

Таким образом, «пространственный поворот» в социологии, представленный идеями Фуко, Лefевра и Бурдьё, существенно расширил понимание города — как динамического пространства, в котором социальные отношения постоянно материализуются и воспроизводятся с помощью практик. Разработанные тремя авторами концепции прекрасно описывают пространственную структуру города как состоящую из мест культурных и социальных отличий, принимая во внимание динамику изменений городского пространства и существующих в нем социальных отношений. Соответственно, помимо проблемы разных «статусов» пространства, возникает другая концептуальная проблема — пересечение уровней анализа: структурные аспекты тесно переплетаются с повседневными практиками и символическими значениями, и провести четкую границу между ними затруднительно. Получается, что без фокусировки на конкретном аспекте анализа пространства мы рискуем оказаться в ситуации «круговых рассуждений» (Качанов, Шматко, 2024: 211), когда «выбранные онто-

логические представления одновременно открывают и закрывают перспективы научного изучения» (Иванов, 2013: 52).

Кроме того, следует учитывать и особенности исторического периода, в котором развивались пространственные теории (Gottdiener, Budd, 2015: 6). В 1960–1970-е годы стало очевидно, что модернистские подходы к городскому планированию, основанные на принципах функционального зонирования и рационалистического упорядочивания городской среды, не отвечают усложняющейся логике городской жизни. Эти подходы исходили из представления о городе, как о системе функционально разделенных зон — проживания, труда, отдыха и передвижения — и стремились к их максимально эффективной и формально упорядоченной организации (Дж Джекобс, 2011). Подобные принципы были наиболее последовательно выражены в проектах Ш.-Э. Ле Корбюзье, предполагавших масштабную реконструкцию городов, приоритет автомобильного движения, высотную застройку и стандартизацию городской среды. Однако реализация таких градостроительных решений часто приводила к социальной изоляции, ослаблению повседневных форм уличного взаимодействия, росту пространственного неравенства (неравному распределению доступа к жилью, рабочим местам, инфраструктуре и городским ресурсам (Троцук, 2020)) и разрушению локальных сообществ, что было зафиксировано в работах современников и критиков модернистского города (Джекобс, 2011; Харви, 2018; Whyte, 1980). Этот период также отмечен городскими конфликтами, массовыми протестами и беспорядками, участники которых не просто оспаривали конкретные градостроительные решения, но, по сути, демонстрировали, что структура городской застройки и уличного пространства задает условия и «контуры» коллективных действий, а город становится ареной борьбы за участие в формировании его пространственной структуры (Rafail, 2018; Raunsonford, 2023; Oberly, Reese, 2023). Отсюда необходимость разведения градостроительства и градоустройства (Кияненко, 2022: 271), а также городских конфликтов и их пространственного измерения (Волкова, 2024; Семенов, 2024).

Город как совокупность повседневных практик: от пространства — к местам

Итак, город, рассматриваемый как пространство взаимодействий, перестает быть простым «вместилищем» социальных отношений или зоной исполнения (Гофман), поскольку городское сообщество может производить и воспроизводить городское пространство, подчиняться или опротестовывать его правила, создавать или изменять его видимые элементы. Но главное — горожане наделяют городское пространство смыслами, структурируют его в своем восприятии и использовании, в результате чего пространство города обретает морфологическую структуру вместе с правилами восприятия и использования его отдельных частей.

Иначе говоря, городское пространство обретает порядок, и вопрос в том, насколько этот порядок статичен. Критикуя модернистские подходы к городскому

планированию, представленные, в частности, концепцией «города-сада» Э. Хауарда, идеями американских децентралистов (К. Стайн, Г. Райт, К. Бауэр), урбанистическими проектами Ш.-Э. Ле Корбюзье, а также их практической реализацией в деятельности Р. Мозеса, Дж. Джекобс указывает на принципиальную статичность и абстрактность навязываемого ими порядка. Как она пишет: «есть качество похуже, чем прямое уродство или неупорядоченность, и качество это — лживая видимость порядка, достигаемая игнорированием или подавлением порядка подлинного, который борется за свое существование и удовлетворение своих нужд» (Джекобс, 2011: 29). В попытке «увидеть» и описать подлинный порядок, Джекобс рассматривает тротуары, улицы и парки как ключевые места городской жизни: они создают порядок, который не навязан извне, а формируется благодаря повседневным практикам использования городских территорий. Акцент на повседневности меняет «оптику» изучения устройства городского пространства: социальные процессы видятся как не просто адаптирующиеся к пространству, но и активно конституирующие. По мнению Д. Харви, эта исследовательская позиция подтолкнула Джекобс и других теоретиков к «альтернативным рабочим гипотезам, в которых социальный процесс видится как обладающий своей собственной динамикой, которая часто — несмотря на усилия планировщиков — формирует свою собственную пространственную форму» (Харви, 2018: 55).

Харви дополняет критику пространственно-средового детерминизма, утверждая, что пространство города нельзя понимать как исключительно физическую среду — это всегда результат взаимодействия множества пересекающихся процессов, затрагивающих экономику, власть, культурные нормы и повседневные взаимодействия. Потому Харви сосредотачивается на способах описания города в пространственных теориях (Харви, 2018: 57) — либо как социального процесса, либо как пространственной формы. Но в такой концептуальной «оптике» мы не можем адекватно осмыслить город как пространственную форму, порождающую социальный процесс (или наоборот), поскольку многие детали их взаимоотношений и динамики не выходят за рамки весьма грубых предположений. «Поэтому вопрос “Что есть пространство?” замещается вопросом “Как получается, что разные человеческие практики создают и используют различные концептуальные представления о пространстве?”» (Харви, 2018: 16–17).

Подмена вопроса о «сути пространства» объясняется историческим контекстом развития пространственно-городских теорий. Так, рассматривая концепцию дисциплинарного пространства Фуко, М. де Серто отметил, что практики не всегда следуют правилам процедур, предусмотренных властью (Серто, 2013: 123): дискурс не до конца определяет существующие в нем практики, так как сам весьма пластичен, а люди даже в тюремном заключении могут влиять на устройство пространства. На том же основании Серто критикует правила поля Бурдьё, утверждая, что для любых правил поля есть исключения — как в пространстве, так и в наполняющих его практиках (Там же: 133). Чтобы преодолеть противоречия, заложенные в теориях Фуко и Бурдьё, Серто вводит понятие «потребление» примени-

тельно к пространству: «Зримому производству соответствует другое производство, определяемое как “потребление”: оно изворотливо, рассредоточено, но проникает повсюду, молчаливое и почти невидимое, поскольку заявляет о себе не посредством собственной продукции, а через способы использования той продукции, которая навязывается господствующим экономическим порядком» (Там же: 41).

Тем самым пространство производит определенный вид практик, но они преобразуются в ходе потребления пространства, а устройство пространства формируют конкретные места, в которых происходит борьба между «стратегиями» и «тактиками» (Там же: 50). Стратегия утверждает место как собственное (или присвоенное) и устанавливает правила его использования — это победа места над временем (например, заранее спроектированная планировка городского парка). Тактика, напротив, не имеет собственного места, но преобразует его под нужды того, кто в данный конкретный момент потребляет пространство, — это победа времени над местом (например, срезание пути через газон вопреки проложенным дорожкам). По сути, концепция Серто развивает представления Лefевра об устройстве пространства, в частности идеи о ритманализе и динамике использования городского пространства (Lefebvre, 2017), однако Серто идет дальше и смещает фокус внимания с пространства на конкретные места, из которых оно состоит. Получается, что, помимо проблемы пространства и времени, возникает вопрос о степени присвоения пространства — насколько конкретные места в пространстве способны влиять на практики и сами преобразовываться под их влиянием.

Отталкиваясь от идей Серто, свой ответ на этот вопрос дает М. Оже: понятие «пространство» более абстрактно, чем понятие «места» (Оже, 2017: 36). Пространство заключает в себе места, которые используются в ходе соответствующих практик и потому «присваиваются», но в то же время пространство включает в себя территории, существующие сами по себе, — их главной целью является объединение мест. Описывая подобные территории, Оже вводит неологизм «не-место» «в противовес социологическому понятию места, которое Моссом и целой этнологической традицией соотносилось с культурой, локализованной в пространстве и времени» (Оже, 2017: 36). «Не-место» нейтрально: в отличие от мест, оно лишено собственной истории, культуры и т.д. — это могут быть автомагистрали, аэропорты, номера отеля и другие «не-места», которые не являются присвоенными, тогда как места, напротив, способны укрепить идентичность и объединить в себе людей, у которых есть общие социальные ориентиры — подобно детской площадке во дворе жилого дома или исторической площади в центре города.

Концепция Оже нашла отражение во многих социологических работах. Так, понятие «не-места» заимствуется З. Бауманом для характеристики текучей современности городов, в которой городское пространство все чаще выступает как среда кратковременного пребывания и перемещения, а не как основание устойчивых социальных отношений (Бауман, 2008: 111–112). В то же время «не-места» М. Оже близки идее «третьего места» Р. Ольденбурга (2014), которые выступают альтернативой пространствам транзита и временного пребывания, формируя

новые формы социальной идентичности и устойчивого взаимодействия в городской среде (например, кофейни, бары, парки и зоны отдыха и многие другие места досуга). Однако у аналитической «оптики», сосредоточенной на повседневных практиках и конкретных местах в пространстве, из фокуса внимания постепенно ускользает общее социальное устройство пространства, о котором рассуждали Фуко, Лефевр и Бурдьё.

Это особенно характерно для анализа современных больших городов, чьи границы могут быть подвижны и размыты до уровня городских агломераций и урбанистических регионов (Вершинина, 2024; Demuyunck et al., 2025; Fox, Goodfellow, 2022): социальное устройство такого города неизбежно фрагментировано, поскольку пространственная целостность не совпадает с целостностью социальной. В контексте изучения «пространства мест» это означает, что город складывается из множества режимов соприсутствия, в которых одни и те же элементы могут выступать то как «места», то как «не-места» — в зависимости от временного наполнения и характера взаимодействий (Замятин, 2025: 104; Шляков, 2018: 172–173). Например, пространство аэропорта, будучи изначально транзитным «не-местом», через процессы «постсубурбанизации» может стать городским центром занятости и потребления (Demuyunck et al., 2025), а его зал ожидания благодаря смартфону или ноутбуку может стать персонализированным «третьим местом» (Wang, Tewdwr-Jones, Signorelli, 2025).

По сути, возникает вопрос масштабов анализа — это либо пространство в целом, либо его частные элементы: «Принимая тезис о том, что пространство и место определяются через разворачивающиеся отношения, как результат субъектного освоения и присвоения территории, тем не менее они не рассматриваются как взаимозаменяемые... скорее всего эти понятия представляют собой соотношение общего к частному» (Костко, 2021: 69). В результате в одних и тех же терминах объединяются разнородные смыслы, ведущие к совершенно разным теоретико-методологическим следствиям (Барковская, 2013: 50), о чем свидетельствуют современные теории (начиная с 1990-х) многомерности городского пространства.

Между структурой, практиками и восприятием: город как многомерное пространство

Если сначала пространственные теории постепенно сместили фокус с жестких структурных моделей (Фуко, Лефевр, Бурдьё) к практикам повседневного конструирования пространства (будь то «стратегии» и «тактики» Серто или «не-места» Оже), то последующий переход к анализу практик и соответствующих им мест породил вопрос о том, как совместить внимание к микроуровню повседневности с пониманием пространства на макроуровне (хотя бы в рамках города)? Ответ на этот вопрос предлагают теории, рассматривающие пространство города как многомерное, множественное и незавершенное.

Один из показательных вариантов того, как можно аналитически связать повседневные взаимодействия с более широкими социальными структурами, — теория структуризации Э. Гидденса (2005), где пространство выступает как контекст для действий, а не просто их фон. Особую роль здесь играет понятие локальности действий, в использовании которого Гидденс опирается на концепции Гофмана и Фуко (Гидденс, 2005: 185). Локальность — это пространственное окружение, активно используемое агентами в процессе взаимодействия, причем масштаб такого окружения может варьировать от предельно локального (например, комната дома или зал магазина) до уровня целых городов, государств и даже исторических эпох. Так, размышляя о городе, Гидденс отмечает, что «когда-то промышленные районы городов на севере Англии заметно выделялись на фоне окружающего городского ландшафта — заводы и фабрики с гордостью выставлялись на всеобщее обозрение. Современные тенденции городского планирования таковы, что эти районы считаются неприглядным “задним планом”, требующим сокрытия в специальных анклавах или переноса на окраины» (Гидденс, 2005: 200). По сути, Гидденс предпринимает попытку преодолеть разрыв между повседневными практиками и социальными структурами, интерпретируя пространство как исторический контекст, формируемый и воспроизводимый во взаимодействиях и практиках, однако понятие «локальности» оказывается несколько размытым.

Если Гидденс акцентирует внимание на локальности и контексте действий, то М. Лёв, взяв концепцию Гидденса за основу, переносит акцент на чувственный опыт, сопутствующий совершению действий, и восприятие пространства. Анализируя пространство, Лёв выделяет в нем два базовых элемента: «Во-первых, пространство формируется через размещение [*spacing*] социальных благ и людей... во-вторых, конституирование пространства также требует синтеза [*synthesis*], т.е. соединения благ и людей в пространстве через процессы восприятия, концептуализации или воспоминания» (Löw, 2008: 35). Пространство воспроизводится и преобразуется через повседневные практики, которые определяются «пространственным размещением» объектов и их «синтезом» в восприятии. Например, план городского парка (*spacing*) и привычные маршруты его посетителей (*synthesis*) совместно делают парк социальным пространством. Причем порядок «синтеза» в восприятии «размещения» объектов не нейтрален, а зависит от множества факторов. Для описания этой зависимости Лёв использует понятие «атмосфера пространства» — это эффект, который пространство производит на тех, кто его воспринимает (Löw, 2008: 44) (например, какие виды отдыха или других практик допустимы, а какие окажутся неуместными в городском парке). Таким образом, пространство — это не просто фон, а активный участник социальных процессов, который структурирует опыт, но и сам изменяется посредством повседневных действий.

Проблематика восприятия и многослойности городской среды схожим образом концептуализируется и в других теоретических моделях, например, в теории «третьего пространства» Э. Соджи. Развивая концепцию производства

пространства Лефевра, он делает акцент на том, что противопоставление физического и ментального в описании пространства утратило свою актуальность в современных городах — подобная оппозиция была полезна в свое время, но теперь ограничивает понимание динамичной, гибридной и многомерной природы пространства, что отражено в соответствующих теориях: «Аналитики первого пространства теперь часто принимают эпистемологии второго пространства для своих целей, а интерпретации второго пространства часто расширяются специально для рассмотрения фактических материальных пространственных форм» (Soja, 1996: 78). Пространство невозможно ограничить рамками одной социальной категории, поскольку оно может объединять в себе сразу несколько различных категорий или же «располагаться» на их стыке. Чтобы преодолеть подобные ограничения, Соджа вводит понятие «третье пространство», которое объединяет в себе реальное и ментальное воплощение пространства и потому выступающее частью повседневной жизни (Soja, 1996: 56–57). Люди используют и воспроизводят пространство города, и у них формируется понимание связи с прошлым и историей на основе своей деятельности, коммуникации, опыта. Соответственно, конкретное место в пространстве может содержать и формировать множество символов, образов и идей, влияющих на его репрезентацию и использование.

При всей концептуальной близости теорий Соджи и Лёв, в них прослеживается значимое отличие в аналитических акцентах: подход, предлагаемый Соджей, относится к предметной области социальной географии и урбанистики, а «третье пространство», будучи одновременно реальным и воображаемым, все же остается прежде всего пространством: «Когда триалектика бытия сводится к отношениям между историчностью и социальностью, пространственность имеет тенденцию периферийно отодвигаться на задний план как отражение, контейнер, сцена, среда или внешнее ограничение человеческого поведения и социальных действий» (Soja, 1996: 71). Иначе говоря, пространство осмысливается как самостоятельный конструкт, отдельный от практик и социальных отношений, что вызывает определенное отторжение у представителей социологической интерпретации, которая за основу берет социальность пространства. Оценивая концепцию Соджи, Лёв подчеркивает: «Вновь и вновь в своих публикациях он оспаривал идею, что история происходит в пассивно заданном пространстве, и представление, что пространство навязывает социальные процессы. Он выступает за географию, “которая одновременно признает пространственность... социальным продуктом (или результатом) и формирующей силой (или средством) социальной жизни”. Как Харви и Лефевр, он остается в стороне от конкретных, повседневных действий» (Low, 2008: 30).

Таким образом, в одном случае пространство становится центральной категорией, подчиняющей себе социальные и исторические процессы, а в другом — лишь контекстом, в котором эти процессы обретают форму и смысл. Соответственно, построение социологической теории городского пространства определяется тем, какой аспект взаимодействий или практик исследуется (и с помощью какой аналитической «оптики»): различие между ними определяет не столько разницу в теоретических подходах,

сколько возможности для практических выводов (Барковская, 2013: 50). Если цель — анализ социальной организации пространства, то оно выступает как объект, подверженный историческим, социальным, экономическим и политическим влияниям, своего рода «контейнер» социальных отношений, что порождает риск пространственного детерминизма и игнорирования как действующего субъекта, так и социальных фактов (Прокофьева, 2017: 611). Если же цель — анализ того, как люди воспринимают, осмысливают и используют городскую среду, то пространство становится объектом, встроенным в повседневные практики и системы их смыслов, и тогда главным риском становится редукция пространства и действий до субъективных смыслов.

Дополнительную сложность порождает междисциплинарный характер теорий, поскольку разные исследовательские традиции используют собственные «языки» описания пространства (Костко, 2021: 67). Междисциплинарность не снимает, а усиливает требования к согласованию понятий, рискуя при этом приумножением сущностей без необходимости: «Это не дефект социальных наук, как если бы им стало лучше, освободись они от этой петли. Это просто означает, что они похожи на все другие науки, участвуя в нормальном деле умножения числа сил и стабилизации или дисциплинирования некоторых из них» (Латур, 2014: 354). Определенный выход из сложившегося положения предлагает акторно-сетевая теория, основанная на ином «прочтении» взаимодействий и практик — с точки зрения материальной организации городского пространства.

Город как пространственная сеть: возвращение материального

Несмотря на длительную историю развития и многообразие пространственных концепций, рассмотренных в статье, — от социальной феноменологии и символического интеракционизма до более поздних теоретических разработок многомерного городского пространства (Э. Гидденс, М. Лёв, Э. Соджа) — в них сохраняется ключевое допущение: пространство является либо контекстом социальных взаимодействий и уходит на второй план, либо оно становится центральной категорией, которая их определяет. При этом значительно меньше внимания уделяется материальным объектам, наполняющим пространство города. Как правило, они либо рассматриваются как носители символических значений и смыслов (например, у М. Фуко, П. Бурдьё), либо включаются в анализ через практики их использования (например, у Д. Харви, М. де Серто). Иначе говоря, часть объекта анализа (пространства) противопоставляется действующему субъекту, и такое противопоставление оказывается проблематичным для анализа пространства современных городов, где взаимодействия и практики все чаще опосредуются материально-цифровыми объектами, а цифровые технологии не только сопровождают, но и активно модифицируют пространство города, задавая условия его восприятия и действий (Заборова, 2022; Лапина-Кратасюк, 2013). Цифровые медиаторы порождают новые формы

виртуальной «сопространственности» (Замятин, 2023): от навигатора в смартфоне и социальных сетей до «умного дома» и «умного города» — пространство все чаще опосредуется интерфейсами и алгоритмами, поэтому противопоставление объекта и субъекта в пространственном описании непродуктивно.

На ограниченность этой оппозиции указывает Б. Латур, анализируя само представление о современности (Latour, 1992: 13). Согласно Б. Латуру, современный мир представляет собой гибридную сборку людей и вещей, субъектов и объектов, символов и технологий, поэтому такие гибриды, как «человек-компьютер», «человек-телефон» и «человек-машина», становятся доминирующими формами жизни, т.е. социальное не противопоставляется материальному, а пронизывает его на всех уровнях. Центральным понятием в предлагаемом подходе становится «сеть» — разветвленная система взаимодействий, в которой субъекты и объекты действуют симметрично, а не иерархично. Такая сеть имеет пространственное выражение, для описания которого Латур использует метафору «супермаркета», наполненного социальными связями: «Мы назвали бы “социальным” не какую-то конкретную полку или отдел, а осуществляемые по всему пространству множественные модификации в организации всех товаров — касающиеся их упаковки, цены, этикеток, потому что такие незначительные сдвиги раскрывают наблюдателю, какие новые сочетания тут используются и какие пути будут выбраны (что позже будет определено как “сеть”» (Латур, 2014: 92).

Пространство воображаемого супермаркета множественно, ситуативно и нестабильно, оно (пере)собирается в каждой новой конфигурации социальных связей, взаимодействий и практик и локализовано (относительно) для каждого наблюдателя. Соответственно, пространство города выступает не как сцена социальных взаимодействий и повседневных практик, а как результат «сплетения» множества тел, их связей и маршрутов во времени — вопрос лишь в том, какой масштаб анализа выберет наблюдатель. Для Латура проблема заключается в том, что в социологии масштаб анализа — это, как правило, одна из заранее заданных переменных исследования, хотя масштаб на самом деле — то, к чему приходят акторы, располагая и контекстуализируя в пространстве друг друга (Латур, 2014: 257). Иными словами, ключевое отличие предлагаемой акторно-сетевой теорией модели интерпретации пространства от традиционных его трактовок состоит в том, что понятие «пространство сетей» отражает отношения между субъектом и объектом в пространстве (не заданы заранее, это форма их существования), а понятие «пространство мест», напротив, исходит из того, что пространство задано изначально как «вместилище» или «форма восприятия».

Таким образом, развитие пространственных теорий шло по пути постепенного усложнения категории «пространство» — от жестких структур и функциональной рациональности модернизма исследовательская «оптика» сместилась к пониманию пространства как динамического процесса, воспроизводимого через практики, взаимодействия и восприятие. В результате пространство перестало рассматриваться как нечто фиксированное и целостное и превратилось в нечто

фрагментированное, ритмичное и локализованное в конкретных местах — это уже не пространство в традиционном смысле: оно делится на многочисленные фрагменты, совокупность которых создает «постгород» (Замятин, 2018, 2023, 2025).

Причем, несмотря на разные теоретические традиции, развитие пространственных концепций в целом укладывается в «общее» направление, отвечающее вызовам своего времени (Wu, 2016; Conte, 2017). В этом состоит еще одна сложность концептуализации пространства в целом и применительно к городу в частности: разные теоретические традиции не существуют изолированно, а вступают в полемические отношения и порождают новые синтетические модели. Своеобразной кульминацией развития пространственных подходов можно считать «материальный поворот» — возвращение материальности в пространственные теории, радикально изменившее язык описания городского пространства. Его принципиальное значение заключается в отказе от противопоставления «социального» и «материального», при котором человек мыслится как активный субъект, а городская среда — как пассивный фон: например, улица перестает пониматься лишь как место передвижения или след в истории жизни города, а рассматривается как сеть взаимодействий между людьми, архитектурой, дорожной разметкой и цифровыми технологиями (Сосновская, 2024; Valibeigi, Shaneh, 2021).

Социальные процессы в таком случае могут быть описаны как результат симметрического взаимодействия человеческих и нечеловеческих актантов (Латур, 2014). А само отношение к пространству не может быть «единственным» и «определенным», так как оно зависит от масштаба анализа. Методологические последствия такого подхода были последовательно проблематизированы в работах Дж. Ло, который показывает, что социальная наука имеет дело не с упорядоченной и однозначной реальностью, а со смешанными, текучими и гетерогенными конфигурациями. В этом смысле неопределенность и нестабильность аналитических описаний выступают не следствием исследовательской ошибки, а свойством самого социально-материального мира (Ло, 2001; Ло, 2015). В результате чего любая социологическая категоризация пространства сегодня весьма условна, поскольку отражает не завершенную систему идей и понятий, а продолжающееся живое движение теоретической мысли.

* * *

Город как пространство социальных взаимодействий и повседневных практик — это многомерная, исторически и ситуативно пересобираемая конфигурация множества других подпространств, мест и связей, в которых материализуются, распределяются и трансформируются социальные отношения. Город выступает одновременно как контекст, продукт и условие этих отношений и включает в себя как социальных агентов, так и материальных акторов, что порождает дискуссионность любых определений города как пространства. Кроме того, общая

траектория развития теоретической мысли в отношении пространства — от символического интеракционизма и социальной феноменологии к «пространственному повороту», затем к концепциям «мест», далее к многомерному прочтению и «возвращению материального», показывает не линейную смену парадигматических подходов, а усложнение языка описания города.

По мере этого усложнения на первый план выходят концептуальные проблемы, задающие аналитические рамки для пространственных теорий города. Прежде всего, это размытый в силу своей множественности «статус» категории пространства — оно мыслится и как контекст действий и практик, и как их продукт, и как само условие их возможности, из чего вытекает риск подмены изучения города обсуждением его «пространственной» онтологии. Вторая очевидная проблема — трудность согласования уровней анализа: структурные, символические и повседневные «измерения» городской жизни в конкретных пространственных координатах упорно «перетекают» друг в друга, заставляя исследователя делать выбор не между микро- и макро-, а между способами их взаимосвязи и взаимовлияния. Третья проблема — подвижная и неустойчивая граница между «пространством» и «местом»: локальные описания конкретных мест нередко теряют из виду целостное устройство пространства, а при его описании из внимания нередко ускользает специфика составляющих и конституирующих его конкретных мест. Все три проблемы усугубляются множественностью аналитических «языков», что объясняет неизбежность полемики и противостояния разных концептуальных подходов. В результате высок риск размытия «рамки референций» конкретных теоретических моделей, воспроизведения избыточных различий и дублирующих категорий в описании пространства города.

Безусловно, представленный в статье краткий очерк развития теоретической мысли не претендует на исчерпывающий характер применительно к трактовке города как исключительно пространства социальных взаимодействий и повседневных практик — задача состояла в том, чтобы показать решающее значение выбора определенной исследовательской «оптики», которая делает одни черты города видимыми и выпуклыми, а другие — скрытыми или второстепенными, задает круг «допустимых» вопросов, масштаб обобщений и способ взаимоувязывания уровней анализа. Иначе говоря, то, каким мы видим город в социологическом описании, — результат применения конкретных аналитических инструментов, однако благодаря полученной картине мы можем наметить траектории для дальнейшего теоретического и эмпирического анализа поиска в рамках выбранной «оптики», начиная с уточнения «статуса» пространства и его отношения к «месту», продолжая согласованием микро- и макроуровней анализа и заканчивая уточнением роли материального в социологическом описании города.

Литература

Акалелова Т. А. (2014). Социальное пространство современного города // Теория и практика общественного развития. № 9. С. 23–25.

Барковская А. Ю. (2013). Социологическая интерпретация категории «социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. Т. 19. № 1. С. 49–55.

Бауман З. (2008). Текущая современность / Пер. с англ. С. А. Комарова. СПб.: Питер.

Беляева Л. А. (2012). Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. № 6. С. 22–35.

Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум.

Блумер Г. (2017). Символический интеракционизм: перспектива и метод / Пер. с англ. А. М. Корбута М.: Элементарные формы.

Бляхер Л. Е. (2022). Пространственный поворот в социологии: новые инструменты и новые проблемы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Т. 60. № 1. С. 10–18.

Бужин В. Н. (2007). Социальное пространство в социологическом дискурсе // Среднерусский вестник общественных наук. Т. 17. № 4. С. 23–34.

Бурдьё П. (2007). Социология социального пространства / Пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя.

Вершинина И. А. (2019). Современные теории города: социологический анализ. М.: Канон-плюс.

Вершинина И. А. (2024). Пространственная организация постиндустриального сообщества // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. Т. 30. № 4. С. 95–110.

Волкова Н. А. (2024). Градостроительная реформа: (не)правовое регулирование в российских городах // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 11–38.

Гидденс Э. (2005). Устроение общества: очерк теории структуризации / Пер. с англ. И. В. Тюрина. М.: Академический проект.

Гофман И. (2000). Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. А. Д. Ковалева М.: КАНОН-Пресс-Ц.

Джекобс Дж. (2011). Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство.

Заборова Е. Н. (2006). Феномен города с точки зрения теории социального пространства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Т. 57. № 2. С. 188–195.

Заборова Е. Н. (2022). Информационный город в контексте акторно-сетевой теории // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. № 3. С. 34–47.

Замятин Д. Н. (2018). Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Политические исследования. № 3. С. 147–165.

Замятин Д. Н. (2020). Постгород (III): политики сопостранственности и новые медиальности // Социологическое обозрение. Т. 19. № 3. С. 232–266.

Замятин Д. Н. (2025). Постгород (V): политики сопостранственности и становление постгородских геокультурных ассамбляжей (в) Северной Евразии // Социологическое обозрение. Т. 24. № 2. С. 101–136.

Звоновский В. Б. (2009). Социология пространства повседневности. Самара: Самарский университет.

Зиммель Г. (2015). Экскурс о чужаке // Зиммель Г. Избранное. Проблемы социологии / Пер. с нем. А. Ф. Филиппова. М.: Университетская книга. С. 228–233.

Иванов О. И. (2013). Социальное пространство как объект научного изучения и управляемой трансформации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 16. № 2. С. 49–64.

Карчагин Е. В. (2021). Социология города и современные городские исследования // Социология города. № 4. С. 6–14.

Кассирер Э. (1998). Опыт о человеке. Введение в философию культуры // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / Пер. с англ. Ю. А. Муравьева. М.: Гардарика.

Качанов Ю. Л., Шматко Н. А. (2024). Идея социального пространства Пьера Бурдьё // Социологическое обозрение. Т. 23. № 4. С. 196–220.

Кирсанова Ю. А. (2024). Категория социального пространства в истории социально-философской мысли // Общество: философия, история, культура. № 6. С. 105–112.

Кияненко К. В. (2022). Социальные стратегии управления развитием города и формированием городской среды в трудах Т. М. Дридзе и в современной России // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 22. № 3. С. 720–731.

Костко Н. А. (2021). Теоретические основания исследования социального пространства города // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Т. 7. № 2. С. 65–88.

Лапина-Кратасюк Е. Г. (2013). Проблема городского пространства в теориях сетевого общества и культуре новых медиа // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. Т. 108. № 7. С. 97–103.

Латур Б. (2014). Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

Лёв М. (2019). Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / Пер. с нем. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение.

Лефевр А. (2015). Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press.

Ло Дж. (2001). Объекты и пространства // Социологическое обозрение. Т. 5. № 1. С. 30–42.

Ло Дж. (2015). После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Харновой. М.: Издательство Института Гайдара.

Лоу С. (2025). Пространственное воплощение культуры: этнография пространства и места / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение.

Лысенко Г. В. (2011). Социальные взаимодействия в пространстве современного города // Социология города. 2011. № 2. С. 45–50.

Макогон Т. И. (2012). «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия ТПУ. № 6. С. 167–172.

Мерло-Понти М. (1999). Феноменология восприятия / Пер. с фр. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. М.: Ювента.

Мид Д. Г. (2009). Форма и среда // Мид Д. Г. Избранное: Сборник переводов / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: ИНИОН РАН.

Оже М. (2017). Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / Пер. с фр. А. Ю. Коннова. М.: Новое литературное обозрение.

Ольденбург Р. (2014). Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Пер. с англ. А. Широкановой. М.: Новое литературное обозрение.

Прокофьева А. В. (2017). О возможности использования субстанциональной, реляционной и эпистемологической концепций пространства в социологическом анализе города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Т. 32. № 4. С. 604–613.

Рыбалка Е. А. (2009). Концепты пространства в социальной философии // Гуманитарные и социально-экономические науки. Т. 46. № 3. С. 42–47.

Семенов А. В. (2024). Процессуальность городских конфликтов: анализ последовательностей оспаривания проектов трансформации городского пространства в России // Социологическое обозрение. Т. 23. № 2. С. 120–146.

Серто М. (2013). Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Сосновская А. М. (2024). Культура городского парка: диспозитивный и акторно-сетевой анализ парка Интернационалистов в Санкт-Петербурге // Артикульт. Т. 53. № 1. С. 91–111.

Стрельникова А. В. (2012). Социология города: пространственные практики и жизненные траектории. М.: Тривант.

Троцук И. В. (2020). Справедливость как критерий оценки «качества» городского пространства (и счастья его жителей) // Вестник РУДН. Серия: Социология. Т. 20. № 3. С. 704–714.

Трубина Е. Г. (2011). Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение.

Филиппов А. Ф. (2008). Социология пространства. СПб.: Владимир Даль.

Фуко М. (1999). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / Пер. с фр. В. Наумова. М.: Ad Marginem.

Фуко М. (2004). Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб.: Университетская книга.

Фуко М. (2006). Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. Статьи и интервью, 1970–1984 / Пер. с фр. Б. М. Скуратова, под общ. ред. В. П. Большакова. М.: Праксис. С. 191–204.

Харви Д. (2018). Социальная справедливость и город / Пер. с англ. Е. Ю. Герасимовой. М.: Новое литературное обозрение

Чернявская О. С. (2008). Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 5. С. 329–335.

Шляков А. В. (2018). Рефлексия «не-места» в топологии социального пространства // Человек. № 5. С. 166–173.

Шютц А. (2003). Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Conte J. A. (2017). Citation Classics in Urban Sociology: Mapping the Intellectual Evolution of a Research Specialty // Behavioral & Social Sciences Librarian. Vol. 36. № 3. P. 136–158.

Demuyneck W., Derudder B., Meijers E., van Meeteren M. (2025). Between Suburb and City: Conceptualizing Interplaces // Urban Studies. URL: <https://doi.org/10.1177/00420980251376979>.

Fox S., Goodfellow T. (2022). On the conditions of 'late urbanization' // Urban Studies. Vol. 59. № 10. P. 1959–1980.

Gottdiener M., Budd L. (2015). Key Concepts in Urban Studies. London: SAGE Publications.

Latour B. (1993). We Have Never Been Modern. New York: Harvard University Press.

Lefebvre H. (1996). The Right to the City // E. Kofman, E. Lebas (Eds.) Writings on Cities. Cambridge: Blackwell Publishing. P. 147–159.

Lefebvre H. (2017). Rhythmanalysis: Space, Time, and Everyday Life. New York: Bloomsbury Academic.

Löw M. (2008). The Constitution of Space: The Structuration of Spaces through the Simultaneity of Effects and Perception // European Journal of Social Theory. Vol. 11. № 1. P. 25–49.

Oberly T., Reece J. (2023). Planning History from the Lions' Perspective: Reclaiming Black Agency in Planning History // Journal of the American Planning Association. Vol. 89. № 4. P. 487–504.

Rafail P. (2018). Protest in the City: Urban Spatial Restructuring and Dissent in Urban America // Urban Studies. Vol. 55. № 1. P. 244–260.

Raynsford A. (2023). The Limits of Counterculture Urbanism: Utopian Planning and Practical Politics in Berkeley, 1969–73 // Journal of Planning History. Vol. 23. № 1. P. 49–70.

Scott J. (2017). *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*. London: Yale University Press.

Soja E. W. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Cambridge: Blackwell Publishing.

Valibeigi M., Shaneh A. (2022). Actor-Network Theory Analysis of Local Interactive Space and Participation in Tehran // *GeoJournal*. Vol. 87. № 5. P. 3591–3606.

Wang W., Tewdwr-Jones M., Signorelli V. (2025). Making Places: From Non-Place to User-Generated Space through a Diversity of Media // *Urban Planning*. № 10 // URL: <https://doi.org/10.17645/up.9063>.

Whyte W. (1980). *The Social Life of Small Spaces*. New York: Project for Public Spaces.

Wu C. (2016). Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City // *American Sociologist*. Vol. 47. № 1. P. 102–114.

City as a Space: On the Evolution of Sociological Approaches

Fedor Polyakov

PhD Student, Department of Sociology, Faculty of Humanities and Social Sciences
RUDN University

Address: Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198 Russian Federation

E-mail: dieuxph@mail.ru

This article presents a reconstruction of the evolution of theoretical approaches to the city as a space of social interactions and everyday practices. Based on the analysis of relevant Russian and international studies, the author shows a consistent shift in the research “optics”: first in the general direction of the “spatial turn,” then to the analytical focus on places and everyday life, and finally to a multidimensional “reading” of urban space in the context of the “return of the material” in spatial theories. The identified stages in the shift in dominant conceptualizations of urban space are reflected in the article’s structure: from the premise of studying the city as a space of interactions the argument shifts to an interpretation of the city as a dynamic space, then as a set of sites of everyday practices or a multidimensional space, and finally as a spatial network. The author argues that the key conceptual difficulties of the sociological analysis of the city as space remain: multiplicity of “statuses” of space (as a context, a product, and a condition of interactions), difficulty in coordinating micro- and macro-levels of analysis, and the fluid boundary between the concepts of “space” and “place.” Thus, the choice of research “optics” determines the range of acceptable questions, the specificity of the categorical apparatus, and the type of conclusions: an emphasis on the social organization of the city increases the risk of spatial determinism, while a focus on everyday practices — the risk of reducing space to the subjective meanings of actors operating within it. The author concludes that sociology should interpret the city as a multidimensional, historically and situationally reassemblable configuration of places and connections, in which social relations simultaneously materialize and transform. This interpretation clarifies the theoretical-methodological framework of the analysis and suggests directions for further research: relationship between the “statuses” of “space” and “place,” coordination of levels of analysis, and justified inclusion of the material in the sociological description of the city.

Keywords: space, city, analytical optics, urban space, social interactions, configuration of places, everyday practices, social relations and connections, spatial turn, material turn

References

- Akalelova T. A. (2014) Sotsialnoe prostranstvo sovremennogo goroda [Social Space of the Contemporary City]. *Theory and Practice of Social Development*, no 9, pp. 23–25.
- Augé M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna* [Non-Places: Introduction to an Anthropology of Supermodernity], Moscow: New Literary Observer.
- Barkovskaya A. Yu. (2013) Sotsiologicheskaya interpretatsiya kategorii "sotsialnoe prostranstvo" [Sociological Interpretation of the Category "Social Space"]. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and Social Technologies*, vol. 19, no 1, pp. 49–55.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity], Saint Petersburg: Piter.
- Belyaeva L. A. (2012) Sotsialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroyeni k empiricheskomu izucheniyu [Social Space: From Theoretical Constructions to Empirical Study]. *Philosophical Sciences*, no 6, pp. 22–35.
- Berger P., Luckmann T. (1995) *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge], Moscow: Medium.
- Blumer G. (2017) *Simvolicheskiy interakcionizm: perspektiva i metod* [Symbolic interactionism: perspective and method], Moscow: Elementary Forms.
- Blyakher L. E. (2022) Prostranstvennyy povорот v sociologii: novye instrumenty i novye problem [Spatial turn in sociology: new tools and new problems]. *Otkumena. Regional researches*, vol. 60, no 1, pp. 10–18.
- Bourdieu P. (2007) *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of Social Space], Saint Petersburg: Aleteya.
- Buzin V. N. (2007) Sotsialnoe prostranstvo v sotsiologicheskom diskurse [Social Space in the Sociological Discourse]. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, vol. 17, no 4, pp. 23–34.
- Cassirer E. (1998) *Opyt o cheloveke. Vvedenie v filosofiyu kul'tury* [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture], Moscow: Gardarika.
- Chernyavskaya O. S. (2008) Sotsialnoe prostranstvo: obzor teoreticheskikh interpretatsiy [Social Space: A Review of Theoretical Interpretations]. *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, no 5, pp. 329–335.
- Conte J. A. (2017) Citation Classics in Urban Sociology: Mapping the Intellectual Evolution of a Research Specialty. *Behavioral & Social Sciences Librarian*, vol. 36, no 3, pp. 136–158.
- Demuyck W., Derudder B., Meijers E., van Meeteren M. (2025) Between Suburb and City: Conceptualizing Interplaces. *Urban Studies*. Available at: <https://doi.org/10.1177/00420980251376979>.
- Filippov A. F. (2008) *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of Space], Saint Petersburg: Vladimir Dal.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat i nakazyvat. Rozhdenie tyurmy* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison], Moscow: Ad Marginem.
- Foucault M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The Archaeology of Knowledge], Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Foucault M. (2006) Drugie prostranstva [Of Other Spaces]. Foucault M. *Intellektualy i vlast: izbrannyye politicheskie statyi, vystupleniya i intervyyu. Ch. 3. Statyi i intervyyu, 1970–1984* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews. Part 3. Articles and Interviews, 1970–1984], Moscow: Praxis, pp. 191–204.
- Fox S., Goodfellow, T. (2022) On the Conditions of 'Late Urbanization'. *Urban Studies*, vol. 59, no 10, pp. 1959–1980.
- Giddens A. (2005) *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturalizatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration], Moscow: Academic Project.
- Goffman E. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life], Moscow: Kanon-press-C.
- Gottdiener M., Budd L. (2015) *Key Concepts in Urban Studies*, London: SAGE Publications.
- Harvey D. (2018) *Sotsialnaya spravodlivost i gorod* [Social Justice and the City], Moscow: New Literary Observer.

- Ivanov O. I. (2013) Sotsialnoe prostranstvo kak ob'ekt nauchnogo izucheniya i upravlyaemoy transformatsii [Social Space as an Object of Scientific Study and Managed Transformation]. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 16, no 2, pp. 49–64.
- Jacobs J. (2011) *Smert i zhizn bolshih amerikanskikh gorodov* [The Death and Life of Great American Cities], Moscow: New Publishing House.
- Kachanov Yu., Shmatko N. (2024) Ideya sotsialnogo prostranstva Pierre Bourdieu [The Idea of Social Space by Pierre Bourdieu]. *Russian Sociological Review*, vol. 23, no 4, pp. 196–220.
- Karchagin E. V. (2021) Sotsiologiya goroda i sovremennye gorodskie issledovaniya [Urban Sociology and Contemporary Urban Studies]. *Urban Sociology*, no 4, pp. 6–14.
- Kirsanova Yu. A. (2024) Kategoriya sotsialnogo prostranstva v istorii sotsialno-filosofskoy mysli [Category of Social Space in the History of Social-Philosophical Thought]. *Society: Philosophy, History, Culture*, no 6, pp. 105–112.
- Kiyanenkov K. V. (2022) Sotsialnye strategii upravleniya razvitiem goroda i formirovaniem gorodskoy sredy v trudah T. M. Dridze i v sovremennoy Rossii [Social Strategies for Urban Management and Urban-Environment Development in the Works of T. M. Dridze and in Contemporary Russia]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 22, no 3, pp. 720–731.
- Kostko N. A. (2021) Teoreticheskie osnovaniya issledovaniya sotsialnogo prostranstva goroda [Theoretical Foundations of the Study of Urban Social Space]. *Bulletin of the Tyumen State University. Social-Economic and Legal Research*, vol. 7, no 2, pp. 65–88.
- Lapina-Kratasyuk E. G. (2013) Problema gorodskogo prostranstva v teoriyah setevogo obshchestva i kulture novykh media [Urban Space in Theories of Network Society and Culture of New Media]. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies*, vol. 108, no 7, pp. 97–103.
- Latour B. (1993) *We Have Never Been Modern*, New York: Harvard University Press.
- Latour B. (2014) *Peresborka sotsialnogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory], Moscow: HSE Publishing House.
- Law J. (2006) Objekty i prostranstva [Objects and Spaces]. *Russian Sociological Review*, vol. 5, no 1, pp. 30–42.
- Law J. (2015) *Posle metoda: besporjadok i social'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow: Gaidar Institute Publishing House.
- Lefebvre H. (1996) The Right to the City. (E. Kofman, E. Lebas Eds.). *Writings on Cities*, Cambridge: Blackwell Publishing, pp. 147–159.
- Lefebvre H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space], Moscow: Strelka Press.
- Lefebvre H. (2017) *Rhythmanalysis: Space, Time, and Everyday Life*, New York: Bloomsbury Academic.
- Löw M. (2008) The Constitution of Space: The Structuration of Spaces Through the Simultaneity of Effects and Perception. *European Journal of Social Theory*, vol. 11, no 1, pp. 25–49.
- Löw M. (2019) *Sobstvennaya logika gorodov. Novye podkhody v urbanistike* [The Intrinsic Logic of Cities], Moscow: New Literary Observer.
- Low S. (2024) *Prostranstvennoe voploshchenie kultury: Eetnografiya prostranstva i mesta* [Spatializing Culture: The Ethnography of Space and Place], Moscow: New Literary Observer.
- Lysenko G. V. (2011) Sotsialnye vzaimodeistviya v prostranstve sovremennoy goroda [Social Interactions in the Space of the Contemporary City]. *Urban Sociology*, no 2, pp. 45–50.
- Makogon T. I. (2012) "Prostranstvennyj povорот" i vozmozhnost' n vacionnykh podhodov v social'no-filosofskom diskurse ["Spatial Turn" and the Possibility of Innovative Approaches in Social and Philosophical Discourse]. *Bulletin of Tomsk State University*, no 6, pp. 167–172.
- Mead G. H. (2009) Forma i sreda [Form and Environment]. *Izbrannoe: Sbornik perevodov* [Selected Works: A Collection of Translations], Moscow: INION RAN.
- Merleau-Ponty M. (1999) *Fenomenologiya vospriyatija* [Phenomenology of Perception], Moscow: Juventa.
- Oberly T., Reece J. (2023) Planning History from the Lions' Perspective: Reclaiming Black Agency in Planning History. *Journal of the American Planning Association*, vol. 89, no 4, pp. 487–504.
- Oldenburg R. (2014) *Tretye mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta "tusovok" kak fundament soobshchestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores,

- Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community], Moscow: New Literary Observer.
- Prokofieva A. V. (2017) O vozmozhnosti ispolzovaniya substanttsionalnoy, relyatsionnoy i epistemologicheskoy kontseptsii prostranstva v sotsiologicheskom analize goroda [On the Possibility of Using Substantive, Relational, and Epistemological Concepts of Space in the Sociological Analysis of the City]. *Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology*, vol. 32, no 4, pp. 604–613.
- Rafail P. (2018) Protest in the City: Urban Spatial Restructuring and Dissent in Urban America. *Urban Studies*, vol. 55, no 1, pp. 244–260.
- Raynsford A. (2023) The Limits of Counterculture Urbanism: Utopian Planning and Practical Politics in Berkeley, 1969–73. *Journal of Planning History*, vol. 23, no 1, pp. 49–70.
- Rybalka E. A. (2009) Kontsepty prostranstva v sotsialnoi filosofii [Concepts of Space in Social Philosophy]. *Humanities and Social-Economic Sciences*, vol. 46, no 3, pp. 42–47.
- Schutz A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The Structures of the Life World], Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation.
- Scott J. (2017) *Against the Grain: A Deep History of the Earliest States*, London: Yale University Press.
- Semenov A. V. (2024) Protsessualnost gorodskih konfliktov: analiz posledovatelnoy ostarivaniya proektov transformatsii gorodskogo prostranstva v Rossii [Processuality of Urban Conflicts: Sequence Analysis of Urban Contention in Russia]. *Russian Sociological Review*, vol. 23, no 2, pp. 120–146.
- Serto M. (2013) *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat* [The Practice of Everyday Life. Vol. 1: The Art of Doing], Saint Petersburg: Publishing House of the European University at Saint Petersburg.
- Shlyakov A. V. (2018) Refleksiya “ne-mesta” v topologii sotsialnogo prostranstva [Reflection of the ‘Non-Place’ in the Topology of Social Space]. *Man*, no 5, pp. 166–173.
- Simmel G. (2015) Exkurs o chuzhake [Excursus on the Stranger]. *Izbrannoe. Problemy sotsiologii* [Selected Works. Problems of Sociology], Moscow: Universitetskaya kniga, pp. 228–233.
- Soja E. W. (1996) *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*, Cambridge: Blackwell Publishing.
- Sosnovskaya A. M. (2024) Kultura gorodskogo parka: dispozitivny i aktorno-setevoy analiz parka Internatsionalistov v Sankt-Peterburge [Culture of the Urban Park: A Dispositive and Actor-Network Analysis of the Internationalists’ Park in Saint Petersburg]. *Articult*, vol. 53, no 1, pp. 91–111.
- Strelnikova A. V. (2012) *Sotsiologiya goroda: prostranstvennye praktiki i zhiznennye traektorii* [Urban Sociology: Spatial Practices and Life Trajectories], Moscow: Trovant.
- Trotsuk I. V. (2020) Spravedlivost kak kriteriy otsenki “kachestva” gorodskogo prostranstva (i schastlivosti ego zhiteley) [Justice as a criterion for assessing the ‘quality’ of urban space (and the happiness of its residents)]. *RUDN Journal of Sociology*, vol. 20, no 3, pp. 704–714.
- Trubina E. G. (2011) *Gorod v teorii: opyty osmysleniya prostranstva* [The City in Theory: Attempts at Understanding Space], Moscow: New Literary Observer.
- Valibeigi M., Shahneh A. (2022) Actor-Network Theory Analysis of Local Interactive Space and Participation in Tehran. *GeoJournal*, vol. 87, no 5, pp. 3591–3606.
- Vershinina I. A. (2019) *Sovremennyye teorii goroda: sotsiologicheskyy analiz* [Contemporary Theories of the City: Sociological Analysis], Moscow: Kanon-Plus.
- Vershinina I. A. (2024) Prostranstvennaya organizatsiya postindustrialnogo soobshchestva [Spatial Organization of the Post-Industrial Community]. *Bulletin of the Moscow State University. Series 18: Sociology and Political Science*, vol. 30, no 4, pp. 95–110.
- Volkova N. A. (2024) Gradostroitel'naya reforma: (ne)pravovoe regulirovanie v rossijskikh gorodakh [Urban Planning Reform: (Non-)Legal Regulation in Russian Cities]. *Russian Sociological Review*, vol. 23, no 2, pp. 11–38.
- Wang W., Tewdwr-Jones M., Signorelli V. (2025) Making Places: From Non-Place to User-Generated Space Through a Diversity of Media. *Urban Planning*, no 10. Available at: <https://doi.org/10.17645/up.9063>.
- Whyte W. (1980) *The Social Life of Small Spaces*, New York: Project for Public Spaces.

- Wu C. (2016) Moving from Urban Sociology to the Sociology of the City. *American Sociologist*, vol. 47, no 1, pp. 102–114.
- Zaborova E. N. (2006) Fenomen goroda s tochki zreniya teorii sotsialnogo prostranstva [Phenomenon of the City from the Perspective of the Theory of Social Space]. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, vol. 57, no 2, pp. 188–195.
- Zaborova E. N. (2022) Informatsionny gorod v kontekste aktorno-setevoj teorii [Information City in the Context of the Actor-Network Theory]. *Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*, no 3, pp. 34–47.
- Zamyatin D. N. (2018) Postgorod: prostranstvo i ontologicheskie modeli voobrazheniya [Post-City: Space and Ontological Models of Imagination]. *Political Studies*, no 3, pp. 147–165.
- Zamyatin D. N. (2020) Postgorod (III): politiki soprostranstvennosti i novye medialnosti [Post-City (III): Co-Spatiality Politics and New Mediality]. *Russian Sociological Review*, vol. 19, no 3, pp. 232–266.
- Zamyatin D. N. (2025) Postgorod (V): Politiki soprostranstvennosti i stanovlenie postgorodskih geokulturnyh assamblyazhej (v) Severnoj Evrazii [Post-City (V): Politics of Co-Spatiality and the Formation of Post-Urban Geo-Cultural Assemblages in Northern Eurasia]. *Russian Sociological Review*, vol. 24, no 2, pp. 101–136.
- Zvonovsky V. B. (2009) *Sotsiologiya prostranstva povsednevnosti* [Sociology of the Everyday Life Space], Samara: Samara University Press.